

ИСТОРИЯ КАК ОСОЗНАНИЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ ДЖ. ГАРДНЕРА

Вводная часть

Творчество выдающегося прозаика XX века, Дж. Ч. Гарднера, характеризуется диалектичностью мышления, историческим подходом к отбору художественного материала и философским осмыслением проблем человеческого общества. Окружающая реальность в произведениях писателя рассматривалась, как вечное движение, эволюция в пространственно-временном круговороте. Он воспринимал историю как динамический процесс, сущностью и движущей силой которого являются противоречия между людьми, народами, культурами.

Актуальность исследования историзма в творчестве Дж. Гарднера определяется важностью нравственно-этической и философской проблематики литературы на всех этапах её исторического развития. История в книгах писателя выступала не хаотичным и бессмысленным чередованием событий, Гарднер обнаруживал в их развитии глубоко скрытые философские законы.

Целью данной статьи является стремление раскрыть художественные закономерности внутренней динамики ранней гарднеровской прозы, основанной на принципе столкновения противоположностей. Основной **задачей** стало изучение философско-этических конфликтов в художественном осмыслении автора на материале романов «**Падение Агатона**»(1970), «**Грендель**»(1971), поэмы «**Ясон и Медея**»(1973), в которых легендарные сюжеты переосмыслены и «осовременены» автором.

На основе культурно-исторической и герменевтической методологии в статье исследуются особенности художественного мировидения автора, определяется специфика его функционирования в конкретном художественном тексте и делается вывод о понимании историзма Гарднером как средства осознания проблем современности. Посредством художественного соотнесения исторических и социокультурных периодов удастся установить связь универсальных формул с современным цивилизационным процессом. Выбор комбинации различных методов как основной базы исследования представляется вполне оправданным, так как данный путь соответствует современному пониманию устройства природы и общества и позволяет адекватно систематизировать структуру моделируемого писателем художественного универсума.

Основная часть

В ранних романах «Падение Агатона»(1970) и «Грендель»(1971), поэме «Ясон и Медея»(1973), обращаясь к историческому художественному материалу, Гарднер ставил вопрос о нравственности, этичности позиций героев и свою эстетическую задачу связывал с решением гуманистических проблем современности.

Образцом для написания романа «Падение Агатона» послужили знаменитые «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, однако автор сознательно нарушает и допускает анахронизмы. Так, в рамках единого сюжета автор свел вместе спартанца Ликурга, жившего в IX - VIII вв. до н.э., и афинянин Солон – VI в. до н.э., поэтому историческим романом данную книгу назвать нельзя. Гарднер намеренно сместил акценты и перевел повествование из событийного плана в план метафизический, где исследовал проблему противоречия между индивидуальной свободой и официальным порядком, диктуемым властью. Представляя две полярные точки зрения на власть, автор противопоставил им вымышленного философа, мудреца и провидца Агатона, чье имя в переводе с древнегреческого означает «добрый», «хороший». Таким образом, в «Крушение Агатона» главный герой, Агатон, становится участником трехсторонней дискуссии, центральным вопросом которой является вопрос о выборе лучших моральных и нравственных норм для человеческого общества. Агатон, революционно настроенные хелоты и Ликург ведут споры. В романе представлены различные этические системы семи веков античной истории. Гарднер показывает несовершенство любого ограничения, особенно если «придуманные» законы не имеют никакого отношения к человеческой душе. Вот несколько «афоризмов», которые усвоил Агатон у Солон: «любая система нравственных ценностей – это своего рода насилие над Природой и Разумом», «религия, политика и искусство – все это дает нам этику животного стада...» Агатон задает себе вопрос, возможно ли существование общества по этим законам,

столь противоречивым человеческой душе? И не находит на него ответа. Агатон начинает длинную вереницу гарднеровских «мыслящих», героев, которые пытаются найти ответы на вопрос о сущности и смысле человеческого бытия, свободе и власти. И, как в других своих книгах, Гарднер не дает ответов и не находит установления гармонии в будущем. Напротив, писатель предполагает возникновение и развитие новых конфликтов и противоречий – именно в этой особенности его мышления сказалась глубина гарднеровского историзма.

В 1971 году вышла книга Гарднера «Грендель», сказочное повествование о тех временах, когда рядом с человеком в преданиях, былях и небылицах существовали мифические существа: драконы, гоблины, грендели. Гарднеровский Грендель заимствован писателем из древнего англосаксонского эпоса о «Беовульфе», который дан в современном переложении. В предисловии Гарднер указал, что хотел отразить главные идеи западной цивилизации, и образ мышления его героя представляет сплав современных философских течений. Читатель смотрит на события глазами самого Гренделя-рассказчика, постороннего в новом общественном бытии, аутсайдера. Герой Гарднера «переболел» философией экзистенциализма: «Мир – всего лишь бессмысленный случай... Я существую, более ничего. Мир был ничто: механический хаос случайностей, жестокой скуки на которую мы глупо возлагали наши надежды и страхи» (Gardner, 1971, с.17). В его размышлениях слышны отзвуки философских систем Фр.Ницше, Л.Витгенштейна, других философов, определивших, наряду с экзистенциалистами, духовный климат современного общества отчужденных людей, процесс нравственной энтропии человечества. Грендель выступает как символ индивидуализма, играющего, по мнению писателя, доминирующую роль в мировоззрении современного западного человека. Абстрактные отношения «Грендель – племя» художественно моделируют переломное время рождения новой эпохи. Смерть Гренделя воспринимается не как бессмысленный случай, а как обусловленное завершение предыдущих событий: случайность как внешнее проявление подчиненного законам бытия. В романе отчетливо выражена философская антитеза «индивидуальное – общее» («Грендель – племя»). Герой, отгородивший себя от общества, рассматривающий мир исключительно сквозь призму своего сознания, обречен на гибель. Человек, подобный Гренделю, «эгоцентричен» (self-centered) и потому, сначала духовно, а затем физически умирает. Вся современную западную цивилизацию писатель называет «эгоцентричной», справедливо полагая, что страшная обыденная психология «исключительно личного счастья» обусловлена проникновением философии иррационализма в сознание отдельного человека.

В форме сказочного повествования Гарднер представил альтернативу современной «эгоцентричной» цивилизации – единцей общества должен быть не один человек, а личность в ее неотъемлемых связях с сообществом людей. Идея «сообщества людей» у Гарднера генетически связана с концепцией цивилизации английского писателя и философа Робина Джорджа Коллингвуда (1889-1943). Влияние этого философа отразилось, в частности, и в «Гренделе» и в дальнейшем творчестве Гарднера. Вслед за английским философом Гарднер стремился представить историю как единый закономерный процесс, в котором каждая ступень развития закономерна и в то же время своеобразна, находится в «напряжении». В «Эссе о метафизике» Р.Дж.Коллингвуд писал: «Одна фаза превращается в другую, потому что она находится в состоянии неустойчивого изменения. Ее структура не покоится, она всегда находится под напряжением. Где нет напряжения, там нет истории» (Collingwood, 1940, 74). Понятие «напряжения» (tension) Гарднер называл иначе, «растущей ошибкой» (built-in mistake) (The Radical Imagination and the Liberal Tradition, 1982, 140), подчеркивая, таким образом, изменчивость бытия и общественного развития. Гарднер считал, что каждая эпоха содержала характерную именно для нее «растущую ошибку». Эпоха Возрождения, мыслители которой стремились создать homo universalis, по мнению писателя, повернула философию к проблеме субъекта истории – человека. За проблемой человека скрылись проблемы природного и общественного бытия, человек стал рассматриваться философами в отрыве от окружающей реальности. Так, духовное наследие эпохи Возрождения и определило «растущую ошибку» современной цивилизации – ее «эгоцентрический» характер.

Противоречие между человеком и обществом было подмечено еще просветителями. Д.Дидро писал в «Монахине»: «Человек создан для общества, отделите его, изолируйте, и его идеи станут

хаотичными, его характер извратится, множество уродливых страстей возникнет в его сердце» (Дидро, 1973, 145). Предчувствия просветителей отразились в их философских тезисах и рассуждениях. Гарднер, писатель позднебуржуазного общества, размышляет на живом историческом опыте американского кризиса духа, возвращенного на философиях индивидуализма и прагматизма, поэтому столь близкой писателю оказывается идея Коллингвуда о будущей эпохе «сообщества людей». Важно отметить, что Коллингвуд исходил из принципа развития «свободной воли» человека как основополагающего в развитии цивилизации только в случае, когда все члены общества утверждают себя как общую и единую волю (отдельно, как индивидуальную волю, и совместно, как общественную). Иначе говоря, человек в философии истории Коллингвуда выступает не только как отдельный индивид – природа его является также и всеобщей. Идее «сообщества людей» Гарднер был верен на протяжении всего творчества. Тем не менее, следует отметить, что попытка американского писателя выстроить свою концепцию исторического прогресса, в основе своей оказывается построением философии культуры, исследованием исторического развития человеческой мысли.

В 1973 году вышла в свет философская поэма Дж.Гарднера «Ясон и Медея», написанная гекзаметром и восходящая к мифу о странствиях аргонавтов. Герои поэмы, Ясон и Медея, воплощают две крайние жизненные позиции. Если Медея видит весь смысл своей жизни только во всепоглощающей любви, то Ясона автор называет «рабом интеллекта». Очевидно, что в образах поэмы Гарднер искал путь к созданию больших жизненных философских сообщений. За коллизией «Ясон – Медея», или «разум – чувство», Гарднер подразумевал односторонний подход философии нового времени к современному человеку. Универсализм личности эпохи Возрождения был постепенно утрачен вследствие «растущей ошибки» на протяжении последних четырех веков, и личность стала рассматриваться либо рационалистически, либо субъективистски. Философский пафос поэмы направлен против современных Ясонов, «рабов интеллекта», пытающихся соединить в своем мировоззрении крайний субъективизм с прагматизацией человеческих отношений, этических норм и «вечных ценностей»: «Цивилизация, берегись, если Ясон явится для тебя примером!» (Gardner, 1973, 178). Гарднер не устал подчеркивать, что любая философия, построенная на противопоставлении сознания и бытия, человека и общества, имеет своим практическим следствием разрушение нравственности и человека как личности. Такова «этика предательства» Ясона. Герой поэмы обосновывает эту «этику» тем, что сама природа существует по закону предательства и, следовательно, нет смысла говорить о каких-либо нравственных нормах поведения, поэтому для достижения своей цели Ясон действует по принципу «цель оправдывает средства». В результате единственным ориентиром в действиях Ясона оказывается только его индивидуальная, субъективная воля, его личное желание, ставшее основой релятивизма его поведения: «все является верным только в соответственном месте и в соответствующее время» (Gardner, 1973, 150). Философии Ясона противостоит позиция восточного купца Копрофорса. В его речах человек выступает как единое целое, «чьи страсти имеют такую же ценность, как и его искусный ум» (Gardner, 1973, 168). Сюжет поэмы построен таким образом, что диалоги Ясона и Копрофорса превращаются в художественное доказательство действительности принципов последнего. Несмотря на то, что аргументация Копрофорса, казалось бы, терпит поражение, кроме поверженного купца и торжествующего Ясона есть еще и сам автор, не отступающий от главного для себя тезиса: «нравственность – бесконечно сложный, слишком сложный для познания процесс – должна иметь целенаправленный характер» (Gardner, 1973, 165). Гарднер всегда считал, что «человек не должен быть эгоистичным, он должен быть добрым, иметь благородное сердце и делать все, от него зависящее во имя разумной цели» (Gardner, 1978, 251).

Выводы

В поисках героев ранних произведений Гарднера нашли отражение основные историко-философские интересы писателя, а именно: проблема преемственности или отрицания философских идей XX века, проблема добра и зла, проблема соотношения свободы воли и необходимости. В этих книгах отчетливо прозвучал голос писателя гуманиста. В аллегорической форме Гарднер воплотил мысль о человеке как субъекте истории, который в своем развитии должен достичь духовного и физического единства. «Физическое заложено в человеке генетикой – одной ногой он находится в

детерминированном физическом универсуме, иначе говоря, бытие диктует человеку законы необходимости. С другой стороны, человек обладает свободой воли, выступает носителем разума как основы нравственного выбора – и он всегда имеет выбор, так как вторая его нога свободна» (Gardner, J. 1973, 175). Писатель активно выступал против релятивистских позиций в отношении морали, злободневной проблемы современной западной мысли. Как и многие представители культуры, Гарднер, достаточно скептически относился к состоянию современной философии, не способной дать современному человеку цельного видения мира и личности: «Мы концентрируем внимание на индивидах, при этом игнорируя универсалии. Средневековая и древняя философия, напротив, тяготела к универсализации» (Gardner, 1978, 15). Исходя из этого убеждения, художник призывал современную литературу как единственную, по его мнению, духовную силу современности «понять и выразить человеческую натуру, место человека в универсуме, значение человека» (Gardner, 1978, 17). Цель современной литературы Гарднер видел в победе над нравственной энтропией современного буржуазного общества. В последовательном споре Гарднера на страницах своих книг с литературой нигилизма, во многом, на помощь приходило его основательное гуманитарное образование и богатая эрудиция. Но Гарднер не ограничивался знанием истории гуманитарной мысли, он также часто обращался к основополагающим теориям современной науки, пользовался терминами из областей современной физики и математики. Основополагающие философские и эстетические суждения Гарднера определяет понятие энтропии. «Молчаливая планета, опять временно путешествующая, как камень со старыми городами, пока пространство снова не пошлет жизнь», – писал Гарднер в поэме «Ясон и Медея», – «...и снова весь мир, который любили и над которым смеялись, исчезает, как снег, как холодная аллегория» (Gardner, 1973, 12). Процесс энтропии, как известно, при достижении своего максимума в замкнутой системе приводит к тепловому равновесию и развитие системы останавливается. Существует тенденция среди философов и писателей применять этот закон к миру в целом и распространять на общественные процессы. Примером может служить творчество Томаса Пинчона (один из его рассказов так и называется «Энтропия», 1960г.). Джон Гарднер не переносит механически понятие энтропии на духовное развитие человечества, а вкладывает в него «очеловеченное» содержание. Энтропия становится символом всеобщей индифферентности – каждый человек превращается в замкнутую герметичную систему, что означает с точки зрения художника смерть «сообщества людей». К понятию энтропии писатель пришел через осмысление истории цивилизации как постоянного развития вперед по закону противоречия. Поэтому действие и сюжеты произведений Гарднера построены по принципу противопоставления – в основе каждой книги лежит идея столкновения, конфликта идей, мировоззрений персонажей, которые в своём логическом завершении, по мысли автора, воплощают аристотелевскую идею катарсиса. Такое построение книг Гарднера позволило добиться необходимого эффекта драматизации философских идей, актуальных для современности, параллели которой нетрудно усмотреть за историческими сюжетами. Столкновение противоположностей высекает искру истины, то есть, содержание абсолютного присущего и находящегося в постоянном движении бытию, и каждому моменту познания человеком объективной реальности, поэтому сквозь призму художественных конфликтов средневековой и более древней истории в произведениях Гарднера проступают проблемы современной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дидро, Д. Монахиня. 1973. *Племянник Рамо*. Москва: Художественная литература.
2. Collingwood, R.G. 1940. *An Essay on Metaphysics*. London: Clarendon press.
3. Gardner, J. 1971. *Grendel*. N.Y.: Knopf.
4. Gardner, J. 1973. *Jason and Medea*. N.Y.: Knopf.
5. Gardner, J. 1978. *On Moral Fiction*. N.Y.: Basic Books.
6. *The Radical Imagination and the Liberal Tradition*. 1982. Interview with English and American Novelists. London: Austin.